

h e t G. Juvenal's bookcase. - Amer. J. of Philology, 1951, vol.72, N 4, p.371). Ювенал, возможно, знал и сочинение в трех книгах "О смерти лиц, казненных или сосланных Нероном", которое написал Гай Фаний; о нем упоминает Плиний Младший (Письма, 5.5).

А.И.Зайдев

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАДПИСИ НА "КУБКЕ НЕСТОРА" ИЗ ПИТЕКУС

Опубликованная впервые в 1955 г.¹ надпись на скромном со- суде, найденном при раскопках на острове Ихии (Питекусы) в Неаполитанском заливе, надежно датируется VIII в. до н.э., и, ско- рее всего, его третьей четвертью.² Она является, по-видимому, самым древним из дошедших до нас памятников греческой алфави- тной письменности и образцом поэтического творчества эпохи, близ- кой по времени к моменту создания гомеровского эпоса. Поэтому лексико-стилистический анализ этой надписи, предваряя ее вос-полнение и интерпретацию, может пролить некоторый дополнитель- ный свет на первые шаги формирования древнегреческой поэзии.

Однако прежде всего рассмотрим вопрос о метрической форме надписи. В самом деле, если вторая и третья строки — вполне регулярные гекзаметры, то природа первой строки вызывает сомнения. Большинство исследователей считает ее также стихотворной и видит в ней не вполне регулярный ямбический триметр,³ в то время как известный знаток архаических надписей Л.Джеффери признает ее прозаической.⁴

Нам представляется, что пример К.Галларатти, пытающегося искусственно интерпретировать как метрические чуть ли не все архаические надписи,⁵ должен послужить нам напоминанием о необходимости осторожности: короткую надпись всегда можно с той или иной степенью произвола уложить в одну из многочисленных метрических схем архаической поэзии, но мы должны задаться вопросом, как воспринимал данную надпись читатель - грек, должна ли она была автоматически вызвать у него в сознании определенную ритмическую схему. В отношении первой строки нашей надписи, метрическая схема которой выглядит как — о_о_о_о_о_о_о , и предельно близка к ритмике обыденной древнегреческой речи.

осторожнее говорить о прозе, тем более, что прозаическое вступление к метрической надписи отнюдь не редкость.⁶

Во-вторых, обратимся к одному из наиболее спорных вопросов, возникших при изучении надписи, – о заполнении лакуны в первой строке, которая сохранилась в таком виде:

Νέστορος ε[ι] γεύποτον ποτέριον.

Я полагаю, что принять здесь следует восполнение К.Уоткинса ε[στ]⁷. Разумеется, доводы исследователей, ссылающихся на многочисленные параллели в надписях типа "говорящая вещь" архаической эпохи и отстаивающих поэтическое чтение ε[ι]⁸ или ε[ιμ]⁹, являются вполне резонными, но они не могут все же перевесить аргументы, приводимые К.Уоткинсом. С одной стороны лакуна слишком велика для восстановления ε[ι]⁹, а с другой – в древнейшую эпоху написание ειμι, как бы ни объяснять его лингвистически,¹⁰ встречается только в аттических надписях, и предполагать его в надписи VII в. до н.э. на ионийском диалекте было бы неосторожно.

Кромě того, предполагаемое ε[στ]¹¹ не является совершенно беспрецедентным в архаических надписях, как это полагает П.Гансен. Мы имеем, в частности, в нашем распоряжении аттическую надгробную надпись середины VI века до н.э., начавшуюся с формулы, в которую входит εστι:

τόδ' Ἀρχίου στὶ σῆμα καδελφῆς Φίλης,
Εὐκοσμίόντς δὲ τοῦτ' ἐποίησεν καλόν,
στήλην δ' ἐπ' αὐτῷ θῆκε ταίδιμος σοφός.¹¹

а также надпись из Аттики, построенную аналогичным образом и датируемую примерно 525 г. до н.э.¹²

Хорошо известно, что некоторая несогласованность между прозаическим началом надписи и ее основной стихотворной частью – явление нередкое, но его не следует предполагать без необходимости там, где можно прочесть надпись как связное целое. Во второй строке нашей надписи о кубке говорится как бы со стороны – он обозначается указательным местоимением τόδε, и мы не должны из достаточных оснований делать кубок говорящим о себе уже в первой строке. При этом вполне понятной окажется и частичка δ(ε) во второй строке: она знаменует постепенное развертывание характеристики кубка.

Во всяком случае, когда за декларацией в 1-м лице "Я – вещь такого-то" следует условный период с упоминанием вещи, она и там фигурирует в 1-м лице. Таковы, в частности, древнейшая эпиграфия – надпись на могиле Главка, сына Лептина (Фасос, УП в. до н.э.),¹³ надпись на лекифе Татахи (Кумы УП в. до н.э.),¹⁴ аттическая надпись из Сигея на могиле Фанодика (Сигей, начало VI в. до н.э.).¹⁵

Все это говорит, как нам кажется, за дополнение ε[στ]¹⁶.

Однако предположение К.Уоткинса, который вслед за первыми издателями Г.Бухнером и К.Руссо отрывает первую строку от следующих за ней и считает, что в первой строке речь идет о самом кубке Нестора из "Илиады" (Il., XI, 624 слл.), а во второй и третьей ему шутливо противопоставляется скромный сосуд, на котором сделана надпись,¹⁶ причем быть не может. Во-первых, как справедливо отмечает П.Гансен, εύποτος "удобный для питья" меньше всего подходит для характеристики кубка Нестора из "Илиады" – громоздкого и неудобного дорогого изделия художественной работы.¹⁷ Во-вторых, о кубке царя героической эпохи в УП. до н.э. следовало бы говорить не в настоящем, а в прошедшем времени. Наконец, как мы попытаемся показать далее, вторая и третья строки надписи также содержат намек на эпизод с кубком Нестора в "Илиаде", так что придется сделать вывод, что вся надпись в целом говорит о сосуде, на котором она сделана, и не противопоставляет, а комически уподобляет его знаменитому суду Нестора.¹⁸

Слова о "страсти Афродиты", которая охватит того, кто выпьет из кубка, составляющие содержание второй и третьей (гексаметрических) строк надписи, вполне естественны, поскольку из кубка пили вино, но настоящую связь с первой строкой, т.е. о Несторе, они получают только в том случае, если мы их поймем как прямую реминисценцию эпизода с кубком Нестора в XI книге "Илиады". В самом деле, кубок Нестора подает Нестору и Махаону пленница-рабыня Нестора Гекамеда. Для Гомера положение ее при Несторе самоочевидно – оно то же самое, что и положение Брисеиды при Ахилле и положение других служанок-наложниц. Эпос так же не задумывается в этой связи о возрасте Нестора, как не задумывается он и о возрасте прекрасной Елены или Пенелопы, к которой так стремится Одиссей. Но это не значит, что этим не

интересовались слушатели и читатели¹⁹ эпоса.²⁰ Стихи лирических поэтов — Алкмана (УП в. до н.э.), Мимнерма, Анафреонта полны сетований по поводу того, что старость отнимает у человека радости любви, и здесь, конечно, не эпос, а лирика отражала мысли и чувства людей. В этой-то связи и оказывается естественной шутка автора надписи, характеризующего и кубок гомеровского Нестора, и свой как ἀφροδισιακόν — средство, возбуждающее страсть. При этом шутка эта, как и вся надпись, говорит, скорее всего, о том, что и автор надписи и предполагаемые ее читатели были хорошо знакомы с недавно созданной "Илиадой", ибо эпизод с кубком Нестора принадлежит к числу таких, которые меньше всего можно предполагать в какой-либо поэме — предшественнице "Илиады".²¹

Попытки же оторвать нашу надпись от гомеровской традиции на основании ее лексических особенностей²² совершенно не выдерживают критики.

В гексаметрической части надписи мы находим в двух стихах по одному слову, отсутствующему в "Илиаде" и "Одиссее", хотя оба эти слова появляются затем в послегомеровском эпосе архаической эпохи: это слово ποτέριον, засвидетельствованное для нас впервые у Семонида Аморгского (fr. 23 D³) и в эпической Алкмеониде (fr. 2 Kinkel),²³ и слово — καλλιστέφανος, которое впервые появляется в дошедших до нас текстах в гомеровском гимне Деметре (стр. 252, 296). Но в условиях, когда языки и стиль гексаметров в целом чисто гомеровский, эти лексические особенности никак не превосходят того, что можно ожидать в подражании Гомеру. Даже в самих гомеровских поэмах имеется более чем достаточно мест, где либо в двух стихах подряд мы находим по слову, встречающемуся всего один раз во всем гомеровском эпосе, либо в одном стихе сразу два таких слова. Так, в Od., IY, 248-249 мы видим в двух стихах подряд по ἄλαξ λεγόμενον — сначала существительное δέιπτος, а затем глагол βάνεω, не только не появляющиеся больше нигде в гомеровском эпосе, но чуждые и всей последующей поэтической традиции. В II., IY, 540 мы находим в одном и том же стихе прилагательное ἄβλητος, чуждое в остальном Гомеру и всей последующей греческой литературе, и ἀνούτατος, засвидетельствованное затем в эпосе у Аполлония Родосского (II, 75). В II., XX, 467 стоят рядом γλυκύθυνος, которое затем встретится нам впервые у Аристофана (Lys. 551; Nub. 62

705), и δυανόφρων, также после Гомера имеющееся только в древней аттической комедии (Crat. fr. 238 Kock., Aristoph. Aves, 1321).

Таких примеров можно привести сколько угодно, и вообще на приблизительно 27 400 гомеровских стихов приходится почти 2000 ἄλαξ λεγόμενα, так что лексика гексаметрической части нашей надписи может считаться гомеровской почти в такой же мере, как лексика самих гомеровских поэм, и лексико-стилистический анализ этой древнейшей стихотворной надписи лишь снова подтверждает еще античное представление о Гомере как источнике всей греческой поэзии.²⁵

Примечания

1 Buchner G., Russo C.F. La coppa di Nestore e un'iscrizione metrica da Pitecusa dell'VIII secolo a.C. — Rendiconti dell' Accademia dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche, 1955, vol. 10, p. 215-234. Позднее издание: Carmina epigraphica Graeca saeculorum VIII - V a. Chr. n. / Ed. P.A. Hansen. Berlin, 1983, p. 252 - 253, N 454 (в датировку вкраилась случайная ошибка).

2 Metzger H. Sur la date du graffite de la coupe de Nestor. — Revue des études anciennes, 1965, t.67, N 3-4, p.301-305; Hansen P.A. Pithecusan humour. The Interpretation of "Nestor's Cup" reconsidered. — Glotta, 1976, Bd 54, N 1-2, S.26-28.

3 Такого же мнения придерживается и автор одной из последних важных статей, посвященных надписи, К. Уоткинс: Watkins C. Observations on the Nestor's cup inscription. — Harvard Studies in Classical Philology, 1976, vol. 80, p.34-36.

4 Jeffery L.H. The local scripts of archaic Greece. Oxford, 1961, p. 253 f.

5 Gallavotti C. Metri e ritmi nelle iscrizioni greche. — Bollettino dei Classici. Suppl. II. Roma, 1979 (ср. также его многочисленные предшествующие работы, на которые он ссылается в этой брошюре).

6 Для архаической эпохи назовем надпись JG, XII, 9, 286 из Эретрии VI в. до н.э.

7 Watkins C. Observations on the "Nestor's cup" inscription. — Harvard Studies in Classical Philology, 1976, vol. 80, p. 37-39.

8 См., в частности: Чистякова Н.А. I) Древнейшая греческая эпиграмма. — Вестн. древней истории, 1975, № 4, с.31; 2) Греческая эпиграмма VIII-V вв. до н.э. Л., 1983, с.28; Schadewaldt W. Von Homers Welt und Werk. 3. Aufl. Stuttgart, 63

1959, S.488; Hansen P.A. Pitchecusan humour, p. 29-32.

9 Даже архаическое и надписи едва ли могло заполнить всю лакуну. К сожалению, имеющиеся фотографии лишь приблизительно передают размеры на закругленной поверхности сосуда.

10 П.Гансен (Hansen P.A. Pitchecusan humour, p.31) ссылается на Э.Стертвента (S t u r t v e n t E.H. Analogical creation and contamination as illustrated by lapses. - J. of American Oriental Society, 1937, vol.57, p. 150).

11 Friedländer P., Hoffleit H. Epigrammata. Los Angeles, 1948, N 169. Ср.: Gallavotti C. Iscrizioni di Olimpia nel sesto libro di Paucania. - Bollettino dei Classici. Roma, 1979, p. 3-29 (см. с. 3 сл.).

12 См.: Сагрина epigraphica... / Ed. P.A. Hansen, р. 19, N 42. ξστι, а не εἰνι подразумевается в надписи на пидосе из Феста УМ-УВВ. до н.э.: Εοκετέωντο Ναϊδολίας ἔδι (J e f f e r y L.H., Μ o g r u g o - D a v i e s A. ποιητάς αὐτοῦ ποιητάς εἰνι: BM, 1969, 4-2, 1, a new archaic inscription from Crete. - Kadmos, 1970, vol. IX, p. 153, n. 2; Gallavotti C. Metri e ritmi... p. 81-82.

13 Рекк W. Griechische Versinschriften. Bd I. Berlin, 1955, N 51a.

14 Bauer P., Schwyzer E. Dialetorum Graecarum exempla epigraphica potiore. Lipsiae, 1923, N 786.

15 Ibid., N 731.

16 Watkins C. Observations on the "Nestor's cup" inscription. p. 39-40.

17 Hansen P.A. Pitchecusan humour, p. 42.

18 Сосуды с надписью, в которой утверждалось, что это кубок Нестора, существовали в древности и позднее (Ath., XI, 466 с. На юмористической окраске всей надписи справедливо останавливается П.Гансен (Hansen P.A. Pitchecusan humour)).

19 А.Хойбек справедливо отмечает, что четкое построение надписи по гексаметру на строчку говорит о чтении автором надписи рукописного текста эпоса, а не о восприятии его на слух (Н е ѿ в е с к A. Schrift - Archaeologia Homericā, Bd III, Kap 10, Göttingen, 1979). Превосходная техника сочинения гексаметра подсказывает нам, что автор надписи, возможно, сам был аждо-

20 На некоторое несоответствие между возрастом Нестора упоминанием Айродиты в надписи обратили внимание и современные исследователи надписи К.Рютер и К.Маттиесен (Rüter K., Matthiesen Kj. Zum Nestorbecher von Pithekussai. Zeitschrift für Papurologie und Epigraphik, 1968, Bd 2, Hft 1, p. 254), а вслед за ними и Н.Х. Хурмузиади (Χουρμούζιαδη Ν.Χ. Μετιόρος εὑκοτὸν ποτήριον: Ἀριστοτελεῖον πανελεύθετον θεοπλονικόν. Ἐπιτημονικὴ ἐπετηρίδα τῆς φιλοσοφικῆς σχολῆς 1979, T.18, p. 547).

64

21 Rüter K., Matthiesen Kj. Zum Nestorbecher von Pithekussai, S. 253.

22 Чистякова Н.А. 1) Древнейшая греческая эпиграмма, с.33-34; 2) Греческая эпиграмма УМ-УВВ. до н.э., с.32-34; Dihle A. Die Inschrift vom Nestorbecher aus Ischia. - Hermes, 1969, Bd 94, Hft 3, S.257-261.

23 Более ранних употреблений этого слова не знали, очевидно, и античные филологи (см.: Ath., XI, 460 В).

24 Ср. хотя бы еще и параллели, приводимые О.Вокс (Vox o. Parallelip per l'epigrama di Pitecusa. - Belifagor, 1975, t.30, N 2, p. 221-222).

25 Ср.: Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции УМ-УВВ. до н.э. Л., 1985, с.149-170.

В.П.Казанскене

К ЭТИМОЛОГИИ ГОМЕРОВСКОГО *Βρότος*

Для гомеровского существительного *βρότος* (τ) устанавливается значение 'кровь, текущая из раны'¹ или 'запекшаяся кровь'². Отмечается, что слово входит в постоянное формульное сочетание *βρότον αἴματόντα* (Il., ΥΠ, 425; XI, 7; ΧΥ, 345, ΞΧΙ, 41), фиксированное в конце стиха;³ исключение составляет только Od., XXIV, 189, где μέλανα βρότον занимает середину стиха (ср. Qu. Smyrn., III, 522: βρότον αἵνον). От этого существительного образовано прилагательное *βροτόεις*, также в основном эпическое, входящее в формулу Έναρα *βροτόεντα*, определяющее доспехи, снятые с поверженного врага (Il., VI, 480; X, 528; XV, 347; ΞVΙ, 15; ср. VIII, 534; X, 570, ΞΗ, 245; ср. также Il., XI, 509: *βροτόεντ* ἀνδράγαρα). Обычно оно толкуется как "окровавленные, пропитанные кровью". По причастию, единожды засвидетельствованному у Гомера (Il., XI, 41 при определении доспехов: *βεβρωτωμένα τεύχεα*), восстанавливается отъменной глагол **βροτώ* или **βροτοίαται*. Это гомеровское словосочетание передал Квинт Смирнский (Qu. Smyrn., I, 717); возможно, сюда же относится и δρόμῳ κάρα *βεβρωτωμένος* у Стесихора в Poetae melici Graeci, ed. D. Page (Oxford, 1961, fr.219), хотя данное место допускает и другие толкования.